

Татьяна МНЁВА

ВЗГЛЯД
УЗНАВАНИЯ

СТУДИЯ «СЛОВО»

ТАТЬЯНА МНЕВА

ВЗГЛЯД УЗНАВАНИЯ

Художник Боканов В. А.

© Студия «Слово» 1988

Выпущено за счет студий и авторов.

* * *

Осень. Закатное небо дня. Время исхода.
Все, что тянется к солнцу днем,

тычется в почву

Холодно, холодно ждать зари.

Холодно ночь

Розовый месяц с пустых небес

катится в во ю.

Там, под водою, где рыбы спят,

всхрапывая немо.

Там все концы, все начала там,

все продолженья.

А на земле только жажда дня.

только движенья

Вспять и вперед, и опять назад,

мимо и мимо.

Не остаются от нас на земле

наши мученья.

Наши сомнения, наши сны,

наши восторги.

Но просыпаемся поутру —

месяц двурогий.

Все розовея, плывет во тьму

против теченья.

* * *

Теперь куда ни бросишь взгляд.
Все посмотрели, все видали.
Лишь путь, ведущий нас назад.
Приводит к незнакомым далям.

Медовых медных куполов
Дробление в воде осенней
Не предвещает нам любовь,
Не обещает нам спасенье.

Не веет будущим теплом
Весны нахлынувшая осень.
Но столько чудится в былом,
Чего и не бывало вовсе.

О. этих птиц летящий строй,
О. город, спящий на болотах...
Все явственней сквозь позолоту
Торжественное серебро.

* * *

Там, на горизонте,
Где щебечут взошедшие тени,
Где шевелится, просыпаясь,
солнце.

И взойти пытаются травы
Из вымерзших почв эстонских,
Невзирая на холод и осень,
И парок над заливом вьется,
И лучи золотые бьются
В невымытое оконце,—
Туда наш взгляд и прикован,
Покуда он не прервется.

Забытый, невозможный,
Спешащий, как ручей,
Наш шепот осторожный
В осенней тьме ночей.

* * *

Эта осень привидится как-то во сне:
Золоченые стекла в вечернем окне,
Золоченая птица среди веток.
Это осень привиделась, будто навек
Отметая непрошенный тающий снег
Будто вправду навек — до рассвета.

Это осень привиделась. Эта пора
Будет мерзлым удушьем поить до утра.
А наутро исчезнет из дома.
Но пока эта осень напоит меня,
Золочеными листьями тихо звеня,
Нескончаемой прелой истомой.

Вот и осень приснилась.
Вот птичье крыло
Исчезает, прощально махнув,
за углом —

Вот и осень уходит куда-то.
Я уже не прошу, чтоб продлилась еще,
Я соленые листья стираю со щек
И кладу их на снег виновато.

* * *

Движенья меняющих кожу
Так медленны, так суеверны.
Простор между дрожью и дрожью.
Зазор между нервом и нервом.

Усилья сжимающих тело
До самого смертного края
Неосуществимых пределов.
Где угли трещат и сгорают.

Меж старым и новым мученьем.
Меж старым мученьем и новым
Все лишь темнота и свеченье.
Утók все парит над основой.

Не помня фамилий и отчеств.
Сжимаема болью и злостью.
В бессилье, во тьме одиночеств
Душа облекается плотью.

Свеченье, струенье, звучанье
Потом, после жизни и смерти.
И мир, погруженный в молчанье,
Скользит между кожей и сердцем.

* * *

Взгляд, стремящийся назад,
Натыкается на темень.
Что там с маленькими, с теми,
Что оттуда говорят?

Неужели есть для нас,
Минувших границу ночи,
Слово лучше и короче
Тех, чей звук вдали погас?

Все, что видится вдали,
Не касается земного
Бытия — и канет снова
На другом конце земли.

И печальная земля
Под воздушным абажуром
Явит нам в рассвете хмурым
Молодого октября

Переливы фонарей,
Над Невой миганье света,
Звезд приветы и ответы
И молчанье на заре.

Эти светлые огни
Ни к чему нас не обяжут,
Не напомнят, и не свяжут,
И не вспомнятся они.

Но с годами все видней,
Все подвластней осязанью
Осторожное касанье
Этих маленьких огней.

* * *

С начала до конца и дальше — от конца
К невнятице судьбы.

 к сумятице вниманья...
Чем уже круг друзей.

 тем ближе их сердца.
Во всем есть лучший смысл,
 достойный пониманья.

* * *

Нам вместе уже не собраться
И песен не петь под гитару
Доброго нашего Сани,
Забудьги и рифмача.
Исчезло вечное братство,
Чайник, звенящий паром,
Вода, гудящая в кране,
В стаканы налитый чай.

Дукну — не отзовется
Ни эхо, ни голос друга.
Равнинная наша местность
Не в силах эхо родить.
Что же нам остается?
Подмога ли нам, порука
На звуки разъятая честность,
В куски истертая нить?

Где вы, друзья? Далече.
И не друзья уже вовсе.
Растаяло все, что было,
Исчезло, стерлось вдали.

Пылкие злые речи,
Горькие папиросы —
Кончилось все, остыло,
Пропало внутри земли.

Милые, дорогие,
Рознью своей заплатим
За счастье мечтаний прежних,
Любви золотую строку.
Ведь были же дни такие!
Припомним — и порознь плачем
В туманах густых и нежных,
И медлим на берегу.

* * *

Неужели не помнишь —
такими мы были.
Вертолетик карабкался в небо Сибири,
К белым пристаням Ваха бежал пароход.
И печальная страсть
не казалась смешною —
Слово к слову пригнать ~~просто~~ так,
чтоб стали душою.
Прекратив балаганный былой хоровод.

Неужели не видишь — такими мы стали.
В чудотворных стенах
из неправды и стали
К нам уже не пробьются
ни вера, ни страх.
Вот такими мы стали, и будем такими,
Когда детское наше забытое имя
Станет эхом молчанья в звенящих горах.

О чем же мы молчим
 в отсутствие беды?
Слова, слова, слова.
 Следы, следы, следы.

Мучительный глагол
 превозмогал предлог,
Сжег все сердца вокруг —
 и все ж не превозмог.

Навели над душой уменья и дела:
Судьба не началась,
 а жизнь уже прошла.

Взаимосвязанность явлений
У нас в краю слабей, чем где-то,
Зато тесней взаимосвязь
Судьбы с судьбой, со словом слова,
И оттого в нас пониманье:
Не пуля, но трубы звучанье —
Причина гибели в бою.

Судьба с судьбой, со словом слово,
Не ведая конца и цели,
Срастаются в моем краю,
Проходит жизнь, слабеют корни,
На ум идут воспоминанья:
Мы все дружили понемногу
Когда-нибудь и с кем-нибудь.

Мы все боролись понемногу
Когда-нибудь за что-нибудь,
Мы дружно начинали в ногу,
Теперь созвездие итога
Нам порознь освещает путь.

*Памяти
Бориса Борисовича Вахтина*

* * *

Я во вражде с друзьями, и живу
Не хуже и не лучше, чем бывало,
Ращу в асфальте сорную траву,
И не страшусь грядущего нисколько.

Поэт — один, и обречен себе.
Судьба друзей затем и отнимает,
Что лишь поэт поэта понимает,
Но что поэт — поэту? В декабре

Не страшно жить,
 терять друзей не страшно
И умирать не страшно в декабре:
Стоят деревья в мертвом серебре,
На смену дню
 приходит день вчерашний...

Но что поэт поэту? Лишь помет,
Но не любовь взамен себя оставит,
От жизни к смерти ручеек течет,
В нем голый бог развится,
 дружбу славит.

* * *

Может быть, там и правда, и свет,
но отсюда нам кажется тьма.
Может, там хорошо,
но уходим отсюда,
 цепляясь за каждую травку,
и сходим от боли с ума.
Может, что-нибудь там,
но ведь жили взаправду,
запал израсходовав весь.
Может, что-то и там,
но зачем тогда здесь?

Потому и уходим во тьму
с выражением страха в лице,
С ощущением фиги в кармане,
и фиги в начале,
и фиги в конце,
Позабыв, для чего
были здесь апельсины, моря, гаражи,
Не поняв, для чего
будет там,
если здесь нами прожита жизнь.

* * *

Там южное море,
там волн заколдованных бег,
Там в небо нацелены
нежные лики ушедших,
А здесь только ночь,
только топкий и пасмурный брег,
Здесь только молчанье
унылой недвижимой речи.
Сведи нас судьба
в многолюдный и солнечный час —
И мы отшатнемся,
увидевши лица друг друга,
Но в тьме одиночества мы —
освещенная часть
Неведомого —
и скрыта от взоров округа.

* * *

То зима, то весна —
и проходит нелепая жизнь:
Обойденные плачут, чалят маяки,
серп верлибра поэзию косит,
Туча в небе ползет,
на Литейном трамвай дребезжит,
Аист нянчит дитя,
ибо некому больше подбросить.
Цыц, кукушка, молчи,
нынче я за тебя обо всем,
Нынче время мое —
с ломкой ветки в голодное эхо
Гаркнуть злое «ку-ку» на вопросы —
и дело с концом,
Не обяжут к иному ни званье,
ни вид человека.
Вот и выжили мы
среди этих болотных страстей
Не умней, не прекрасней —
вот разве что только живые.
Нам ли, выжившим петь,
гимн бессмертью, любви, красоте?
То зима, то весна,
Небо серое, Сосны кривые.

* * *

Когда во тьме не видно ничего,
Ничто не мешает думать о
Предметах, не обремененных плотью:
О славе, о пространстве, о полете,
О тьме ночей, не загрязненной снами,
О Времени, не прирученном нами.

НАЧАЛА, СЕРЕДИНЫ

1

Замкнувши вечные уста,
Стоят строители событий.
Уже изъят из вещества
Их труд. Уже пора забыть их.

Уж близится час торжества,
Уж пахнет пиршеством вселенским,
И мы на цыпочках по-детски
Крадемся к пище божества.

2

Когда исчезнем мы отсюда,
Сгустившись в лунную кайму,
Сестра большая, Атлантида,
Мы канем в золотую тьму,

Мы минем, но зачем — напрасно?
Зачем, отъединясь от воли,
Все выше голубь сладострастный
Летит в пространстве мировом?

3

Каждый сущий
 всею теплою кожей своей ощущает
 холодную бездну пространства.
Видеть сумерки дня,
 и не видеть ни края,
 ни сумерек жизни —
Это нам вместо счастья, и с этим живем,
И поем пониманье
 взамен понимания цели:
Будет час, когда жизнь прекратится,
 попав в никуда,
Темный воздух земли
 искромсают блестящие нити
И мычащая снедь вознесется
 в бессмертную высь.

26

* * *

Заведено — и крутится, и в узел
Все связано, все переплетено.
Все атрибуты те же:
 плашки, брусья,
Поленья, молоток, веретено.

Заведено — и крутится. И нечем
И незачем поправить круговерть.
Язык во рту — и нет уменья речи,
И вечность ждет,
 и ожидает смерть.

Как повелось, так водится.
 Прогрессий
Не вычислить,
 не вычертить нам путь.
Нательный крест
 и ворон в поднебесье —
Все цепь одна,
 ничем, не разомкнуть.

27

* * *

Вся глубина, которой нет еще,
Пока плывешь, пока сняет берег,
Пока болят колени и плечо,
И длится жизнь, и манит плыть
и верить. —

Вся глубина покажется, когда
Пройдешь весь путь до дна
от мертвой зыби,
Когда поймешь, как тяжела вода,
Когда поклонись песку и рыбе.

Тогда сквозь нас,
бесплотны и странны,
Начнут сквозить растенья, рыбы,
птицы.

Но пониманье этой глубины
Не даст нам силы
к жизни возвратиться.

* * *

Простим, мой друг, канатную плясунью
Из тех, что потешаются над нами,
Над головою нашей пронося
Капрон, и трепет,

и возможность встречи,
И дрожь, и нежность,
и сентиментальность.
Не защищенную желаньем славы. —
В истершееся небо шапито.

Простим ее за то, что неустанно
Она идет по нервному канату,
И чем прекрасней — тем недостижимей.
Тем больше набирая птичью стать.

Простим ее за то, что не бывало
Ее среди нас, за то, что наше счастье
Она шутя не станет разрушать.

Простим ее за то, что нас не будет,
Когда она взметнется, исчезая,
Чем невесомей, тем непогрешимей,
Чем дальше, тем привычней становясь.

* * *

В стенах кирпичных забытый очаг.
Нежные други подставят плеча,
Чтоб не упала
В дальней земле, в непорочной земле
С ягодой тяжкой на тонком стебле,
Где не бывала.

Я не посмею на черной кайме
Чистой предстать этой светлой зиме.
От напряженья кипящий,
Ветра изгиб отвердел на века.—
Темный, невидящий взгляд чужака
Тянется к чаше.

Этот холодный рассеянный взгляд
В камень и дерево ткнет наугад —
Мертвым запомнит,
К вечному близким,
к началу, к концу.
Вздрагнет, и птицу приблизит к лицу,
И шевеленьем наполнит.

И онемеют под взглядом чужим
След на снегу, на бумаге нажим
И на воде отраженье.—
Чуть шевельнутся, сдвигаясь туда,
Где одиночество и пустота —
Все без движенья

* * *

Не улетай, душа, из этих мест
Во сне. Не покидай мой край и ночью.
Пусть никогда не видится воочью
Иное, что не теплится окрест.

Еще найдем, насмотримся еще
Когда-нибудь, потом, когда случится.
Но здесь, сейчас,
плотней прижмись плечом
К любимому.
Рукой. Шекой. Ключицей.

* * *

Бездонна, безмерна, всемирна ограда.
Ни шагом ее одолеть, ни пареньем.
Но вкус винограда и цвет винограда
Тревожит мне память,
и сердце, и зренье.

Я видела: там, где лоза набухает
Целебным, торжественным,
сказочным соком,
Где легкая бабочка в небе порхает
И мир изучает восторженным оком, —

Я видела там, и я помню доселе,
Я помню и ныне сквозь тысячелетья,
Сквозь здешней судьбы
холода и веселье,
Как свеж виноград
в той стране на рассвете.

Там утро. Там вечное движется утро
С восхода к закату и дальше —
к восходу,
И вкус винограда доносит оттуда
Сюда, в полночь, в окончание года.

Там утро.

Там девочка в белой одежде
Бежит по тропе — на восход.

И мимо. Вот-вот — и исчезнет.
к винограду.

И прежде
Я тоже пойму: значит, дальше не надо.

Ведь стоит сказать «повторись» —

повторится.
Вчерашнее утро настанет сегодня.

Так не повторяйся.

Пусть дальше продлится
Там — утро, а здесь —
сумрак предновогодний.

Птичка в синее море спустилась.
Рыбка в синее небо взлетела.
Ничего в мире не изменилось.
Многотонка вдали тарахтела.

Тарахтели кузнечики где-то,
Птичка плавала, кланяясь зыбко.
И, шурша плавничками под ветром,
Все летала несчастная рыбка.

Мне не чудилось это, не снилось:
Рыбка, птичка, и море, и ветер...
Ничего в мире не изменилось.
Потому что никто не заметил.

* * *

Вот на рисунке женщина. Она
Без фона даже. Так обнажена.
Что сквозь бумагу видно очертанья
Каких-то стен, какого-то лица.
Чего-то без начала и конца —
Не тайного, но просто без названья.

О синий край почтового листка
Предплечьем опирается рука.
Вбирая синий цвет

прозрачной кожей
И родинку у левого соска
Прикрыв ладонью.
Дышит осторожно.

Она бонется жестом боль вспугнуть.
Глаза поднять бонется и взглянуть
На тех, кто смотрит на нее, пытаясь
Понять, зачем внутри ее груди
Тенек печальный ледяной сидит
И, слюдяным крылом блестя, не тает.

Я рисовала, сидя у стола,
Тенца и женщины прозрачные тела.
Не думая ни доброго, ни злого.
Случайно, не подумав, не со зла
Я только имя ей свое дала.
Она в него оделась и ушла.
Не бросив на бумагу ни полслова.

* * *

Наши слабые пальцы
в вещественной тьме осязанья
Нам предъявят любовь,
что разъята на краешки линий.
На краюшки объемов,
на сладкие дольки касанья,
На паденья и взлеты движенья
по дышашей глине.

Ну и как нам любовь?
За нее продадим ли мы душу?
Вот за эти изгибы, за эти иголки озноба?
Среди вечных морей
вот за эту недолгую сушу
Сложим в общую сумму
единую жизнь свою оба?

Ну и что нам любовь?
Наше общее исчезновение
Даст и цену любви:
меньше тайны и больше натуры.

Но постой, не уйди,
но останься еще на мгновение.
Что мы здесь без тебя?
Очертанья. Движенья. Фигуры.

* * *

На пределе любви,
ошущая конец пустоты,
Если силы сберечь,
чуть ослабить узду напряженья,
Все вернется назад,
за ограду последней черты,
На большие круги бесконечного
мирокруженья.

На пределе любви —
сухость в горле, смешенье цветов, —
Если слово забыть,
то появится корень движенья,
И окажется вдруг,
что созвездия тел и крестов,
По орбитам скользя,
не меняют для нас положенья.

На пределе любви,
если жизнь досмотреть как балет,
Если каждое чувство
приветствовать визгом щенячьим,
Я разбег вековой
завершу через тысячу лет,
В одиноком прыжке
зависая над шпилем звенящим.

* * *

Темнота мне милее,
но свет и молчанье во мне.
Позабуду былое,
не память храня, но покой.
Свет зеленый кошачий
засветится, встанет во мгле.
Я безумьем хранима своим,
что же станет с тобой?

Свет зеленый прощальный засветится,
Кто мне судья?
Я любила тебя, но пощады прошу,
не любви.
И пощады прошу у любви,
на ладонь отойдя
(Что же станет с тобой без меня?)
от ладоней твоих.

Горстка глины творимой,
да тень пятипалая близь —
Так рождается преданье из жестов,
из ребер и глины.
Пластилинный образ в ладони храня,
оглянись:
Там рождается память в бессилье,
в тоске и в пыли.

Опустело от крика холодное горло мое.
Из молчанья не вырастет слово.
 из нежности — боль:
Только память рождает
 стократно себя самое.
Я безумьем храню себя своим.
 Что же станет с тобой?

Раскаленные бабочки бьются
 за черным стеклом.
В законную темень роняя пылицу.
 в пустоту.
Оглянись и уйди, и во тьме позабудь
 о былом.
Что же станет с тобой?
 Я стою пред тобою и жду.

* * *

Остановись, в дощатое «ничто»
я полечу, и мой хрустящий голос
На помощь никого не позовет.
И каждый ломкий жест, и каждый волос
Отдельно жить начнут, и закричат свое

Рука взметнется, нежности моля,
и упадут покорные колени,
Звоня стеклянно, в золотой паркет,
И эхом станет звон, и тело станет тенью
Чуть наклоненной прочь от света —
 в темный свет

Остановись и нежности прося —
 в картонных пальцах
 дождь, и грязь, и морось
Смешалось все, и некуда глядеть, —
Но, не солгав, мой деревянный
 покаянный голос
Все возносился от беды к беде.

Все так смешалось, но я упаду,
и все отдам, что было, и ни звука
В бездонный ком под горлом не сложу.
Все так смешалось,

но для нежности протянутую руку
Отдернув, я чужих, любимых пощажу.

* * *

Я из дому не выхожу
Который день, боясь увидеть
Средь отоспевших, золотых,
Смятенных листьев черный отсвет
Древесной четкой наготы.

Я из дому не выхожу.
Я знаю: осень возле окон,
И ждет меня, и хочет видеть,
И, к ребрам веток обнаженных
Прижав, навек меня обнять.

Я из дому не выхожу.
Я помню осень прошлых листьев,
И прошлых ветров, и рассветов,
И прошлых, позапрошлых лет.

Я помню осень — вспомню осень,
И к сигаретке припадаю
Губами, тихими, как листья,

И вздрагиваю, как нагая
Трепещет ветка. Чай согрею,
И буду счастлива, как прежде,
И из дому не выхожу.

* * *

Проснуться —

И глядеть из окон
На белый свет, на грязный снег.
Душа тоскует о высоком
Который день, который век.

И все ей чудится движенье
Случайное отсюда — вверх,
И легкость мышц, и завершенье
Всего, и холод в голове.

Любви высокие паренья,
Минувшей дружбы
боль и рознь.
Качнутся камни и растенья,
Нас ощутившие насквозь.

И каждый вдох уже расколот
Внизу. И все уже равно.
Там, наверху, где свет и холод,
Нам все земное прощено.

47

Встать с колен — и пойти.
Мы уходим назад потому,
Что туда нас ведут
наши незавершенные судьбы.

* * *

Это взгляд узнаванья:
округлая женственность черт
Гордо-выпуклых волн,
да песчаное долготерпенье.
Надо было расстаться.
сто лет не видеть,
чтобы черт
В этот берег привел
и в песок опустил на колени.

Здравствуй, полночь бездействия.
Берег залива в песке,
Плен песчаный сырой
обнимает и колет колени,
Горизонты во тьме.
Этот тоненький пульс на виске,
Средь пространства невидимый,
не означает волненья.

Как расстаться теперь,
после этого взгляда во тьму?
Встать с колен и пойти к одиночеству
с именем «люди»?

* * *

Птица спрячется в куст —
и свистит,
Рыба спрячется вглубь —
и молчит.
Негде спрятаться лишь человеку,
И свистит он у всех на виду.

И молчит он у всех на виду,
И летит он у всех на виду
По откосной дорожке блестящей
За свою душу уходящей.

Негде спрятаться нам — и поем
Перед всеми, считая за счастье
Полуслушанье или участие. —
Так уж счастливы, так уж поем.

Так уж водится, так уж живем.
Птица спрячется в куст, и оттуда
Нам, невидима, кажется чудом,
Рыба спрячется вглубь и молчит.

Мы же, голые, выйдем в ночи
В дым, в асфальт городской,
Ходим, мерзнем,
в кирпичи. —
боясь простуды. —
Так уж счастливы, так уж поем.

Дремлет кот хвостом наружу,
Внутрь печенкою и сердцем.
Меж хвостом и сердцем нервы,
Еле звякая, дрожат.

А собака спит в прихожей,
Круглой цифиркой свернулась,
Шерстью выпрямленных
нервов
Ошетижилась вокруг.

И в ночи скребутся мыши,
Шелестят, шуршат усами,
И внутри своем о ребра
Жестким сердцем тук-тук-тук...

Как-то все непоправимо,
Все невесело и странно,
И внутри нас для чего-то
Много так поселено:

Там и гулки аорты,
Там и жилки голубые,

Все сплелось, и где-то сердце
То ли стукнет, то ли нет.

О, в ночи звучанье нервов
Между памятью и сердцем,
Между памятью и почвой,
Между сердцем и звездой!

* * *

Здесь ничего не происходит.
Здесь лес стоит, деревьев полн.
И дятел спит, и леший бродит
и слушает движение волн.

Здесь озеро покрыто ряской.
Велосипед, впусгнувши лес,
Катится по дороге тряской —
И больше никаких чудес.

Здесь сосны высятся, как швабры,
И, сохраняя гордый вид,
Но в муке разевая жабры,
Русалка на ветвях сидит.

И дуб здесь некуда приладить,
Снабженный цепью и котом.
Ах, все почистить бы, пригладить:
«Златая цепь на дубе том»!

Ах, спсхождения немножко,
И мы поверим, став мудрей.

Что на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей.

Что и на этот брег безмолвный,
Пустой, не тронутый росой,
Когда-нибудь прихлынут волны
С рыбешкой, с пеною морской.

Лужок? Лужок. Овраг? Овраг.
По тропкам и по перелескам
Идет-бредет Иван-дурак.
Герой. И мы при нем довеском.

Идем-бредем, идем-бредем.
Мечтаем: царский трон, царевна.
Мы пропадем, пойдя налево.
Направо — тоже пропадем.

Зима, запоздали твои достижения,
В преддверье апреля нелеп и печален
Нетронутый снег,
упаданье, кружение,
Тончайшего льда укрепленье ночами.

И снится под утро
Парис златокудрий
С огромной
двухкилограммовой айвою
В руках, между трех
и прекрасных, и мудрых
Богинь. И какое мне дело до Трои.

Какое мне дело до горя и счастья,
Лежащих в излучине памяти тихой,
Но выбери ту, для которой участие
В экзамене не предусмотрено мифом.

Ну выбери ту, что совсем не достойна
Ни рангом, ни обликом.

Сварит варенье
На целую зиму. И будет спокойно
Все в мире на много еще поколений.

* * *

Вот так все и было.

 Как пряжа твоя, Пенелопа.
Что за день соткется,

 то за ночь распустится. Даже
Неважно, что ткется —

 капрон, ацетат или хлопок. —

Что днем было тканью,
 то ночью окажется пряжей.

Вот так все и было.

 Вот так все и было, и будет.
Соткется, распустится снова

 и снова соткется.
Ничто не возникнет,

 и ни от чего не убудет.
Вот так все и длится,

 пока Одиссей не вернется.

* * *

Залетной птахе двери приоткрой

И верь словам

 бесцельным и случайным.

Так тихо здесь, так пусто, что порой

Становится прекрасное печальным.

Становится прекрасное смешным.

Но верь словам недавнего молчанья.

Что не были ни звуком, ни иным

Соблазном, но приобрели звучанье.

Они сулят уменье жить вдали.

Свободу быть свободным и нелепым.

Поверь словам. Они из недр земли

Сюда росли взамен любви и хлеба.

Они сулят прекрасные черты

Обезобразить скукой одиночья.

Но верь словам. Не хуже пустоты

Они, и лучше страха и молчанья.

* * *

Кто это там шевелится в чуткой дали?
Кто это там потягивается,
 предвкушая солнце?
Это веселая вечность
 барахтается в пыли.
Это время встает
 из черных глубин горизонта.
Значит, будет и нам
 весело жить на земле,
Плыть по волнам, обретая величие цели.
Кто это здесь?
 Это жизнь и бессмертия след —
Легкий, наивный, виднеющийся еле-еле.

* * *

Свetaет. Все медленней бьются часы
В ладонях у времени. Утро
Все явственней в мире: и в капле росы,
И в невом пустом перламутре.

Свetaет. И хочется крикнуть: «Гряди!»
И видеть, как страх улетает.
Свetaет. И чудится день впереди.
А только и есть, что свetaет.

СОДЕРЖАНИЕ

«Осень. Закатное небо дня. Время исхода...»	3
«Теперь куда ни бросишь взгляд...»	4
«Там, на горизонте...»	5
«Пространство сумерек начала сентября...»	6
«Когда октябрь равнинный...»	7
«Эта осень привидится как-то во сне...»	9
«Движенья меняющих кожу...»	10
«Взгляд, стремящийся назад...»	12
«С начала до конца и дальше — от конца...»	14
«Нам вместе уже не собраться...»	15
«Неужели не помнишь — такими мы были...»	17
«О чем же мы молчим...»	18
«Взаимосвязанность явлений...»	19
«Я во вражде с друзьями, и живу...»	20
«Может быть, там и правда, и свет...»	21
«Там южное море, там волн заколдованных бег...»	22
«То зима, то весна — и проходит нелепая жизнь...»	23
«Когда во тьме не видно ничего...»	24
Начала, середины	
1. «Замкнувши вечные уста...»	25
2. «Когда исчезнем мы отсюда...»	25
3. «Каждый сущий...»	26
«Заведено — и крутится, и в узел...»	27
«Вся глубина, которой нет еще...»	28
«Простим, мой друг, канатную плясунью...»	29
«В стенах кирпичных забытый очаг...»	30

«Не улетай, душа, из этих мест...»	32
«Бездонна, безмерна, всемирна ограда...»	33
«Птичка в синее море спустилась...»	35
«Вот на рисунке женщина. Она...»	36
«Наши слабые пальцы в вещественной тьме осязанья...»	38
«На пределе любви...»	40
«Темнота мне милее, но свет и молчанье во мне...»	41
«Остановясь, в дощатое "ничто"...»	43
«Я из дому не выхожу...»	45
«Проснуться — и глядеть из окон...»	47
«Это взгляд узнаванья...»	48
«Птица спрячется в куст — и свистит...»	50
«Дремлет кот хвостом наружу...»	52
«Здесь ничего не происходит...»	54
«Лужок? Лужок. Овраг? Овраг...»	56
«Зима, запоздали твои достиженья...»	57
«Вот так все и было. Как пряжа твоя, Пенелопа...»	58
«Залетной птице двери приоткрой...»	59
«Кто это там шевелится в чуткой дали?...»	60
«Светает. Все медленней бьются часы...»	61

Татьяна Ильинична Мнева

Взгляд узнавания

Выпущено по заказу студии «Слово»
при клубе управления «Водоканал»
Ленинградским отделением
издательства «Советский писатель»

Редактор А. В. Успенская
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Е. Б. Спрукт

М 24193

Сдано в набор 31.05.88 Подписано к печати 7.09.88
Формат 60×84 1/32 Бумага тип. № 2 Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 3,00 Уч.-изд. л.
1,86 Тираж 1200 экз. Заказ № 1495 Цена 60 коп.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение.

191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Набор и фотоформы с использованием ППП «ДИС» изготовлены в Отраслевом вычислительном центре коллективного пользования Госкомиздата Латвийской ССР.

226018, Рига, ул. Пушкина, 12.

Программисты: Овчаренко А. В., Наруна С. Г.

Отпечатано в типографии СПТУ-4. 198052, Ленинград,
ул. 12-ая Красноармейская, 27

Это первая книга, выпущенная на средства студии «Слово» — первого в Ленинграде хозрасчетного объединения поэтов, прозаиков, переводчиков.

Татьяна Мнева родилась в 1958 году, окончила Финансово-экономический институт по специальности «экономическая кибернетика». «Взгляд узнавания» — первая книга автора.